

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Правления

Союза Советских Писателей СССР

Воскресенье, 8 июня 1941 г.

Цена 45 коп.

Автор и актер эстрады

После кино эстрада — самое массовое из искусств. Она вбирает в себя, в так называемых «малых формах», все виды зрелищ, начиная от циркового аттракциона и кончая оперой. Кроме того, показывают, ни одна отрасль искусства так не доставляет самодельности, как эстрада. Можно было бы говорить и о других ее достоинствах. Но едва ли в этом есть вежла, так как широкое распространение и признание самим зрителем в достаточной мере убедительно доказали ее равноправность в искусстве. Гораздо целесообразнее говорить сейчас о «текущих нуждах» эстрады и фактическом ее состоянии.

В недалеком прошлом всякий разговор об эстрадном искусстве и его задачах неизменно начинался с упоминания о его плохих деревенских традициях. Городилось о кафешантанной пошлости, гусарской развратности и эстетической неизменности, унаследованных от времен процветания сарматовской эстрады. Плохого в старой эстраде было, действительно, предостаточно. Но огузно перечеркивая историю деревенской русской эстрады, вместе с волей вылезли из ребенка. Ведь когда-то на эстрадных поистоках выступали Ермолова, Камисаржевская, перед демократической аудиторией отличные чтецы читали горьковского «Буревестника», а на цирковом манеже слышны были острые шутки Дурова. Кем же заодно с дурными традициями хоронить и хорошие? Не лучше ли их унаследовать?

Затем, если уж говорить о традициях, можно брать более современные. Конечно, традиции сарматовской эстрады нам не лицу. Но есть ведь у нас традиции Маяковского, превращавшего эстраду в трибуну поэтического слова, читавшего с поэмами эстрады «Оду революции». Хорошая традиция! Ее надо бы твердо усвоить и писателям, и актерам, несущим в народ слово правды о великом народе. Но есть ведь у нас традиции Ахматовой, превращавшей эстраду в погружение в мир прекрасного. И что же? Кому же заодно с дурными традициями хоронить и хорошие? Не лучше ли их унаследовать?

К счастью, в последнее время от споров о традициях и декларативных обещаниях работники эстрады и органы, ведающие эстрадными делами, начали понемногу переходить к практическим мерам.

Проходивший два года назад первый всесоюзный конкурс, организация специальной студии, лекции музыки и эстрады, если и не покончили со всеми педофактами, то во всяком случае сделали «двигательное» волни.

Главное же, что достигнуто, — к эстраде, ее горестям и радостям привлечено общественное внимание. Правда, вскоре после конкурса это осталось, а программы вечеров и репертуар подожгли вызывают часто разочарование. Но след все-таки был оставлен. На афишах появились новые имена. Нечуть все-чаша стала называть долоте неизвестную певицу Пантелеймонову, артиста Академии Райкина с его юмористическим конферансом и остроумными шаржами-портретами критиков и пушкинистов. Клавдий Пульженко с ее песенками, пародист Тодес и Домагаук. Освежалась репертуар мастеров, широко известных и до конкурса: В. Хенкина, Н. Смирнова-Сокольского, М. Мироновой. В новой программе выступила Рина на Зеленая. Часто стали выходить на эстрадные площадки с чтением своих новых произведений поэты и прозаики. Литература и эстрада наложили сильный, и это, пожалуй, более всего отразило.

В творческой жизни эстрады, так же, как и в жизни театра «больших форм», движение вперед зависит, во-первых, от появления новых, молодых исполнительских кадров, во-вторых, от репертуара. Причем в искусстве эстрады больше, чем в какой-либо другой области, оба эти начала тесно связаны. Репертуар воспитывает исполнителя, и, в свою очередь, появление талантливого актера с вновь пай-дыми и только ему одному присущими манерой и формой исполнения рождает потребность в репертуаре, отвечающем индивидуальности актера. Порой для талантливого эстрадного актера не так-то легко найти автора. Отнюдь не случайно крупные мастера так называемого разговорного жанра обединяют в себе часть и автора и актера. Ленинградский пародист А. Борис — в то же время и литератор, равно как и единственный в своем роде «камерный» рассказчик Ираклий Арапников. Смирнов-Сокольский — одновременно и актер и исполнитель своих фельетонов.

В идеале артист эстрады — мастер, сочетающий в себе писателя, музыканта, певца и импровизатора. Но это в идеале. Практически же, как бы ни была богата эстрада многогранными талантами, многие артисты нуждаются в помощи писателя и композитора. Литература для эстрады — это самостоятельный «пех», дающий художественную публистику, сатиру в пародии, драматургию «малых форм», песню, конферанс и буффонаду.

Основные базы советской эстрады построены не столько уровнем исполнения, сколько нехваткой репертуара в недостаточно высоком его качестве. Наглядный пример — Московский театр эстрады и миниатюр, где зритель немало страдает от унылых, лишенных остротуя скетчей и «полуводилей». Актеры-солисты так-

ЗАЕМ ПЕРЕВЫПОЛНЕН В ТЕЧЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ДНЕЙ

Выпущенный 3 июня с. г. Заем Третьей Пятилетки (выпуск четвертого года) на сумму 9 миллиардов 500 миллионов рублей размещены по 6 июня включительно, т. е. за четыре дня, на 9 миллиардов 761 миллион рублей, что означает перевыполнение на 261 миллион рублей.

В Ленинграде за три дня, в Москве и Киеве за четыре дня подпись на заем превысила предусмотренную по бюджету сумму.

Подпись на заем продолжается.

Наркомфин СССР А. ЗВЕРЕВ.

Писатели единодушно подписываются на заем

С огромным воодушевлением встретили советские писатели, редакторы, сотрудники издательств и литературных организаций решение правительства о выпуске нового займа. В сознании писателей различных городов и в издательствах состоялись многогодовые митинги, на которых были принятые резолюции, выражавшие единодушную готовность дать взаймы государству часть своего заработка.

Уже в течение первых дней в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других городах подпись на заем среди писателей, в основном, завершена.

У драматургов и композиторов Москвы

Уже 2 июня, в первый день объявления правительством о выпуске нового займа третьей пятилетки в Управление по охране авторских прав начали поступать сведения о подписке на заем писателей-драматургов и композиторов. В числе первых подписавшихся на заем были Н. Вирта и Л. Славин, давшие взаймы государству по 5.000 руб. В. Жирмунский — по 4.000 руб., В. Десницкий и М. Янковский по 3.500 руб., Б. Лавренев, И. Бахтерев, А. Разумовский, А. Штейн — по 3.000 руб., Н. Тихонов, А. Прокофьев, Д. Шеглов — по 2.000 руб. и т. д.

Ряд писателей косвенно внесли первые взносы.

БИЛИСИ

3 июня состоялся митинг писателей и сотрудников редакций, издательства и Литфонда. С речами выступили тт. Чачула, Абашизе, Шенгелая, Чайшили, Чачаула, которые горячо призывают дружной подпиской ответить на решение правительства.

Тотчас по окончании митинга началась подпись на заем. Л. Кичаев подписалась на две тысячи рублей, Б. Гамсахурдия — на тысячу рублей. Подпись продолжается.

В группах издательств

Вчера к концу дня из 315 членов группового писателей при Гослитиздате подписались на заем 300 чел. на общую сумму 186.325 руб. К местному фонду заработка подписавшихся эта сумма составляет 107 проц.

Подпись продолжается.

В группах издательств

Вчера к концу дня из 315 членов группового писателей при Гослитиздате подписались на заем 300 чел. на общую сумму 186.325 руб. К местному фонду заработка подписавшихся эта сумма составляет 107 проц.

Подпись продолжается.

МИНСК

3 июня состоялся митинг писателей и сотрудников редакций, издательства и Литфонда. С речами выступили тт. Чачула, Абашизе, Шенгелая, Чайшили, Чачаула, которые горячо призывают дружной подпиской ответить на решение правительства.

Тотчас по окончании митинга началась подпись на заем. Л. Кичаев подписалась на две тысячи рублей, Б. Гамсахурдия — на тысячу рублей. Подпись продолжается.

ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИ ГОСЛИТИЗДАТЕ

Писатели на заем в общеиздательской группе издали взаймы государству по 50 тыс. руб. Драматурги — по 50 тыс. руб. Каждый. Среди композиторов — по 50 тыс. руб. Каждый. Самые известные из них — С. Михалков, А. Маршак, подпишавшие на 5000 руб., А. Барто — на 4500 руб., Л. Кассиль и Л. Квитко — по 3000 руб.

Подпись продолжается.

БАКУ

3 июня утром началась подпись на заем среди писателей Азербайджана. К вечеру она была уже закончена. Саме Вургум подпись на 5000 руб. Еланбади — на 2000 руб. Мирза Ибрагимов — на 2400 руб. Сулейман Рустам на 1500 руб. Мехти Гусейн, Расул Рза, Мамед Рагим, Гурбан и другие — на 1000 руб. Каждый.

Подпись продолжается.

ТАШКЕНТ

Писатели Ташкента дали взаймы государству около 50 тыс. руб. Драматург Сабир Абдула подпись на заем на 7.000 руб., драматург Яшев — на 5.000 руб., многие писатели — более чем по тысяче рублей.

Подпись продолжается.

ПРЕЗИДИУМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ССП

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Состоялось заседание нового правления ЛенССП. Избран президентом в составе: Решетова, Зощенко, Лавренчева, Слонинского, Прокофьев, Кратта, Даленкова, Лихарева, Тихонова, Дурикова, Дышникова.

Секретарем президиума избран А. Лихарев.

Подпись продолжается.

Подготовка к столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИНСТИТУТА

12 и 13 июня, вечером, в Московском клубе писателей состоится двухдневная научная сессия Института мировой литературы имени А. М. Горького, посвященная столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова.

Во второй вечер, 13 июня, будут заслушаны доклады: проф. Н. Бродского

«Друг Лермонтова»; Святослав Раевский, Е. Михайловой «Тамара» и А. Соловьевой проф. В. Кирютина.

В первый вечер, 12 июня, состоится

ВСЕСОЮЗНЫЕ РАДИОПЕРЕДАЧИ

В течение июня и июля Всесоюзный радиокомитет будет передавать ряд тематических концертов, посвященных Лермонтову. Первый концерт на тему «Последняя книжка поэта» состоится 10 июня. В эту передачу включены предсмертные произведения Лермонтова. Среди тематических концертов два литературно-музыкальных монтажа — «Любовь поэта», «Лермонтов и Кавказ», а также «Юношеские тетради поэта». «Образы» и «Горы нашего времени» в советской опере и др.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

В эти концерты вовлечены деятели культуры из разных стран.

Вольтер!

Произнесите это имя, и тотчас же может случиться, что в вашем представлении возникнет образ Гудона, и, подобно странному пимпу, на ее головой — заменивший стихи Моисея: «Успокоил ли сон, тебя, Вольтер, и твою отвратительную улыбку?..»

А у меня, в течение многих лет настене, рядом с моим рабочим столом, висят отличный склеротический маски; каждый вечер, зажиняя лампу, я неизменно удивляюсь тому, как преобразился оскал лица, обретая черты сострадания и грусти. Это не было случайной игрой теней; на самом деле это было великолепным знаком: Корнелий, Мольер и Паскаль больше принаследжат обществу, а Вольтер — к культуре!..

«Представьте политическое лицо XVIII века, скандалы эпохи Регентства, гибели Людовика XIV. Насилия в министерстве, насильствия в парламентах, силы — в глади; продажная мораль, овдовевшая постепенно головой и сердцем, злато и народом; придворные прелести, расфразченные священники; древняя монархия, древнее общество, шатающееся на своем фундаменте, и сопротивляющиеся атакам поборов лишь с помощью математической силы прекрасного имени Бурбонов. Представьте Вольтера, брошенного, подобно змии, в болото, в это разложившееся общество, и вам не покажется удивительным властное действие его мысли, ускользнувшей конец того политического порядка, который Монтен и Рабле безуспешно атаковали и в своей молодости и в расцвете сил».

Оставил в стороне образ змии — последнюю уступку молодого легитимиста духу Реставрации; разве прочитанная ими страница не могла быть написана полковником Вольтера. Обсудим ее со взысканием.

Она говорит много, но она не сказала всего. Она освещает только одну сторону деятельности Вольтера, — гениального журналиста, каким он был и остался на всю жизнь. Найдем дальше. Историческая роль ужасного автора «Кандид» гораздо важнее.

Говоря о трех источниках марксизма, Ленин сказал: «...в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась революционная битва против всяческого средневекового хама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственно последовательной философской верной всем учениями естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались постичь все силами «онпрергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищать различные формы философского идеализма, который всегда сходится, так или иначе, к защите или поддержке религии».

Вот что пишет Ленин о великих французских философах XVIII века. В этих строках выражена во всей полноте историческая роль Вольтера, иными словами, та роль, которую он играл при жизни, и та, которую он призван играть вновь в настоящей и будущей борьбе французского народа.

Конечно, в своем поединке с феодализмом, теорией, мраком средневековья, душинским ростки человеческой мысли, узаконявшимися в пылу битвы Вольтер не всегда различал в наследии прошлого то, чему сужено было жить, от того, что обречено было на смерть. Но он один совершил эту ошибку. Под первом Було слово «ужасный» стало синонимом слова «гениальный», а Расину церковь Святого Сульпциуса нравилась больше, чем Шартрский собор и Нотр-Дам.

Рассмотрение во времени позволяет нам быть более справедливыми и по отношению к Вольтеру, и по отношению к некоторым его врагам. Мы имеем право принять старых соперников. Мы знаем сегодня, что Ватто и «Реймская ульба», Трианон и дом Жака Кера в равной мере составляют часть нашего общего наследия. И если бы нас попросили сказать, что нам хотелось бы видеть выпущенным на знамени живой Франции, Франции возрождающейся, мы, не колеблясь, поставили бы рядом «Жанну д'Арк» и «Французскую революцию» — ту Жанну д'Арк, в которую Вольтер метал свои стрелы, и ту Революцию, которую он предсказал и подготовил, — две силы, рожденные парижским сердцем Франции, два бессмертные символа, в которых французский народ-рабочий, крестьянин, интеллигент — воплотил свою волю к жизни, ненависть к угнетению, стремление к человеческому достоинству.

Вот же пору своей жизни, 1823 год, Вольтер написал о Вольтере. Тогда он мог лишь ненавидеть Вольтера. Но «под Бонапартом уже виден Наполеон»,

Сделаем скакок через столетие — в начале XIX века. Мы спустимся здесь при зарождении новой власти. Винтору Юлю дадут один год. Он у начала своего пути, но все-таки, как он скажет потом, он — все еще сын инвалидов. Его талант, любовь к людям, сострадание к их горю, ненависть к их падачам, — все эти чувства уже готовы вырваться из плена монархизма, конформизма и клерикального воспитания. Так и случилось впоследствии. В ту же пору своей жизни, 1823 году, Юлю написал о Вольтере. Тогда он мог лишь ненавидеть Вольтера. Но «под Бонапартом уже виден Наполеон»,

Стихи о родине

Книга Гуннера «Родина» подытоживает почти десятилетний творческий путь поэта. Все эти годы немецкий поэт Гуннер жил и работал в советской стране, ставший ее второй родиной: это определило и тематику, и самое название книги.

Поддающиеся большинство стихотворений, вошедших в книгу, говорят о советской действительности, о той действительности, которая повседневно окружает поэта. Она служит ему основным источником творчества. Гуннер всегда готов откликнуться на то или иное событие в жизни страны, потому что большинство его стихотворений носит газетный, в хором смысла, характер. Задобренностью отмечен, основным, весь сборник Гуннера.

К сожалению, в сборнике «Родина» есть немало вещей, без которых он, нам кажется, выиграл бы. Это относится, например, к самому большому произведению в книге, озаглавленному «Город город».

И представляемую собой своеобразную сцену весьма неравномерных лирических

стихотворений, посвященных Москве 1937 г. Более слабые из них, впрочем, упомянуты в книге.

В лучшем своих стихотворениях Гуннер преодолевает схематизм и расслабленность, которыми отмечены те его вещи, где он оказывается в плену у логических (главным образом, сонологических) абстракций, служащих объектом весьма высокой поэтической техники. С формальной стороны почти каждое стихотворение Гуннера удачно разрешает те (часто новаторские) задачи, которые он перед собой ставит. Но подлинного успеха он достигает тогда, когда не ограничивается искусством обогащением отвлеченных мыслей, имен, а обращается к живому, осязаемому, конкретному образу.

Поиски поэта в направлении подобной конкретизации, подобного глубления творчества во многом облегчаются его хорошим знакомством со страной, в которой он живет и которую он весьма основательно изучил и изъездил. Такие стихотворения, как «Казах-золотоискатель» и «В Зельманском кантоне», являются ярким примером этого.

Город город, впрочем, не является единственным произведением Гуннера, в котором

он показывает свою способность к глубокому изучению и изъезду.

Но в целом книга Гуннера — это впечатление, дадущее ему возможность создать высококультурные литературные образы, углубленно обобщить те огромные изменения, которые происходят в психике молодого советского гражданина.

Задача, таким образом, отнюдь не проста: венец служит не слишком скромном

и не легкая.

С другой стороны, читатель западных областей Украины все настойчивее требует произведений на современные темы, и писатели этих областей, особенно польские писатели, должны считаться с этим.

Но в памяти жителей западных областей живы также воспоминания прошлого, еще стоит перед их глазами история распада польской Польши; они помнят еще позорные лягии всех тех, кто в течение двадцати с лишним лет называл себя представителями нации, а впервые же для войны постыдно бежали, бросив народ, и солдаты, которых они столько лет обманывали.

«...Воспитывали этих людей в понятиях, оторванных от глубин жизни. Искусство было для искусства. Надо было упорно винять эти десятилетиями в головах, чтобы срдечий, заурядный, забытый тяжелым трудом человек не заметил, что искусство и государство созданы не для него, а, наоборот, направлена против него». (Новелла «Этот и тот берег моста»).

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к новой жизни читатели заинтересуются и недавним прошлым. Показать его художественными средствами — вот еще одна обязанность писателей западных областей Украины.

Наряду с интересом к нов

Живая книга

Есть книги живые, как сам человек. Такую книгу не читаешь, а скорее слушаешь — словно сидят перед тобой глядящие в лесу у охотничьего костра умный хороший товарищ и неторопливо рассказывают историю своей большой, трудной жизни.

Такие книги редки, потому что они требуют от писателя богатой жизни и большой души; в книгах этих конденсируется его личный жизненный опыт писателя, все его личные страсти и радости, мечты и стремления, все его идеалы. Это — «живые» книги, в них всегда есть элемент исповеди и личной декларации. Отсюда, конечно, еще очень далеко до прямой автобиографии — и сюжет, и действующие лица, и место действия могут быть вымышлены, но внутренний мир центрального персонажа, героя, никого не вымышлен; это — почти документ. Поэтому-то книги такого рода всегда одновременно, посвящены одной человеческой судьбе.

Разные бывают деревни. Иные писатели рассказывают увлекательно, эффективно, живо, красочно. И это — очень хорошо. Когда нарядные люди стоят перед глазами читателя, как живые, когда события текут, переносятся, когда интрига скрещает и блеск неожиданными поворотами, оплодотворяющими тупиками и столь же оплодотворяющими решениями, когда писатель разыгрывает перед читателем страницы своей книги великолепный спектакль, в котором сливаются воедино водопады красок, звуков, эпитетов, метафор, смелых параллеков и остроумных мыслей.

Ничего подобного вы не встретите в тех книгах, о которых начал я говорить. Это и попытка, кто же будет замыливать в дружеской, задумчивой беседе? Декламация, блеск, эффекты — все это неуместно, когда люди говорят о самом главном и важном — о своих поисках человеческой правды. Голос звучит чуть приглушенно, интонации скромны, но тем оптическим их глубина, тем значительнее кажущаяся пауза, кома в типине ясно слышится биение живого сердца.

Такова книга Ивана Арамилева «Юность Матвея». Это не первое произведение Арамилева; в наших журналах уже появились в последние годы его рассказы — очень хорошие, по критике не отмеченные. Произошло это потому, что у нас, по неизвестным причинам, установилась временная инерция относения к писателю. Написано, предположим, человек в юности три нечайных поверхности рассказа, кто-то сказал: «легкомысленно, поверхностно» — так и холм человек горами с ярлыком поверхности и легкомысленного фельетониста, хотя от его легкомыслия давным-давно и следа не остались, и пишет он серьезные, умные вещи, но никто в их серьезность поверить не хочет. С Арамилевым именно так и случилось: я не знаю, что писал он десять лет назад, знаю только, что все десять лет после этого холм от ярлыков сменялся, сярка и сермяжника. А уж он давным-давно из своей сермяги выбросил ее, от ее серости ничего не осталось: пейзажи его прекрасны, характеристики четки и выразительны, языки точен, скуч и прозаичен. А рассказы прошли все-таки незамечеными.

Но вот перед памятью роман. Роман — это серьезнейший экзамен для писателя, причем экзаменуется он по двум линиям — как мастер и как человек. И этот второй экзамен — на человека, — показал, для писателя многое важнее, чем первый: мастерство можно овладеть, но чтобы делать с маленькой и мелкой душой? Ее ведь не смиришь.

К счастью, Арамилев выдержал экзамен по обеим линиям. Роман его хорошо написал, но кроме обычных литературных достоинств в этом романе есть еще и та неизвестная тонкая эманация души автора, то свойство, присущее каждому полноценному литератору производению, которое я называю — «с精华».

И это я считаю главным решением. Если книга лишена этого аромата, — ей суждена короткая жизнь, как бы ложко была она написана и какими бы

Белинский о Лермонтове

Имя Лермонтова навсегда связало с именем Белинского — первого и лучшего истолкователя его творчества. Вот почему нельзя не разоватьсь появлением книги, в которой собраны все «лермонтовские» высказывания Белинского.

Книга Арамилева — живая, одухотворенная книга, в таинской деревне на Северном Урале живет в белой крестьянской семье мальчик Матвей — хороший сердечный мальчик, уже с тегами лет полувунечного болыни вопросами. Роман начинается превосходной и жесткой сценой треххолмового межевания, с которым мальчик успел полужиться, выбросит за деревню и там затравливают собаками, обучают собак Трусливым Тузиком и Лысиком, не осмелившихся постуиться к мальчику, убивают. Мальчик потрясен: из мира детских иллюзий он вступает в действительный мир. Этот действительный, реальный мир — супор, он требует от человека величайшего напряжения всех физических и духовных сил. И в первый раз в жизни мальчик задается основным, главным вопросом: «Этот мир очень суров и он не берет меня, — по этому значит, что он должен вознаградить меня человеческой справедливостью».

Поисками этой справедливости, простой человеческой правды посыпаны весь роман. Кто поможет мальчику в его поисках? Кругом угрюмо, глухо, нико стоят двери — беспросветная бездна, каждый новый день существования взрослые берут с собой. Арамилев рисует в романе образа леса Спиридона, могучего, краинского человека, которого не только мешают, но даже царские жандармы и таможники не могут сломить.

Я не буду пересказывать сюжет. Я боясь своим пересказом отлучить читателя. В пересказе исчезает вся поэтичность, вся луна превращения, остается только сюжет. Но ведь настояще превращение никогда не пишется ради сюжета.

Детство Матвея кончилось, началась юность. Впереди Матвей ждут суровые испытания, как-то преодолеют их и пронесут ли через жизнь не расплеска, благородную и чистую полноту своей души? Не потеряет ли он веру в свое высокое человеческое назначение, не согнется ли птице и не запачкается для разной мерзости, которой щедро усыпал находит слово для понятия Печорина.

В письме к В. Боткину от 9 февраля 1840 г. Белинский пишет о Лермонтове: «странно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника». Калмык первого русского поэта имел в виду Белинского, считавший Пушкина — вторым, а Лермонтова — третьим поэтом?

Иногда думают, что критик подразумевал Державина. Иногда называют Гоголя.

Н. Мордовченко прямо утверждает, что

Лермонтов — это писатель, который не

важен для поэзии, а для истории.

Мифы — всегда сплетение фантазии и действительности. И настолько сплетение, что покорители стрatosферы опровергают аргонавтами вселенную.

Вечный мятежник Прометей, Геракл — воплощение силы и мужества и даже цепь сникнет героев-аргонавтов, стал постоянными спутниками человечества.

Аргонавты...

Имя — человеческая, обремененная

мифами именами богов и народов, сохранила нам образы этих героев, как символ.

Есть много научных обяснений мифа об аргонавтах, противоречиях одно другому.

Сказание о золотом руно, по мнению иных учёных, указывает на торго-

вые спошения древних греков с далекими странами, откуда могло получаться золото.

По другому толкованию, золото руно — дождевое облако. Третьи думают, что в основе сказания лежит солнечный миф:

по их мнению, золото руно — это солнечный свет, бегущий Феникс и смешавшийся с пылью, заходит захолустья, а возвращение руна — его восход.

Из аналитический ум учёных, пытающихся вскрыть зализанный смысл

мифа, не упоминают его прелести, не по-

нятут его ренатуции в веках. Есть в этом сказании прямой смысл, который не

может заменить никакие изыскания изощрённого ума. Это — человеческая борьба с природой, дух вечных исканий, который жив в человеке во все времена. В этом мифе сказался гений свободного и упорного народа. Поэтому сохранила его Гомер, Белинский написал эти строки по поводу баллады «Дары Терека», о которой отзывалась Пушкина:

«Чтобы я знал, кто из аргонавтов, они

стали предками многих живых и литера-

турных героев от Одиссея и Синий-Горы до капитана Гаттераса, от Ко-

лумба до Паланса.

И люди нашего века, которые на гигантских пароходах бороздят океаны, ко-

торые по воздуху пересекают громадные

бездны, всплывают в море. Только один. все моря обежавший, корабль невероятно

их мировых — посыпалт Аэт.

прославленный Арго.

Как передать русскому читателю этот

миф, который идет на нас в разных ис-

точниках, в стихах и прозе разных авто-

ров разных эпох. Какими словами раска-

зать это вечное, пылающее предание?

Когда читавший «Золотое руно» В. и Л. Успенские, долго сопротивляясь

самой манере рассказа, с первых же стра-

ниц становился ясным, что для изложения

мифа выбрана самая неподходящая форма.

«Быстро летят Греции, доныне до нас

только в обработанной форме. Из пика

прядильщиков Греции, дышащих

одними

дыханиями, всплывают в море. Только один

корабль невероятно

их мировых — посыпалт Аэт.

Фрикс и Гелла летят над Грецией на

волшебном барабане. В. и Л. Успенские так

описывают испуг девочки и ее смерть:

«Великий страх охватывал ее всплыва-

щее в море тело, и она

закрывала глаза, отчаянно

захватываясь за золото руно. Глаза закрылись, и она

закрылась, и она

Воспитание чувств

Есть фразы устойчивые, обязательные, произносящиеся без заминки. От такого «беззапиночного» произнесения теряется постепенно их смысл, иногда глубокий и спрятанный. Одна из этих стандартных фраз-скороговорок помещается обычно в предпоследнем абзаце литературных статей о поэзии и звучит примерно так: «Все же однажды тем не менее наша поэзия продолжает отставать от эпохи».

Что же это значит и в чем смысл этой фразы, утешающей при ее обращении в «скороговорку»? В том ли дело, что наши поэты еще сравнительно редко находят темы, способные волновать широкого читателя, другими словами, не становятся властителями дум? Либо же преисполненные отставания лежат в области языка и слова? А, может быть, и «оставания» то есть?

Перед нами — ряд московских ленинградских литературных журналов за конец 1940 и первые месяцы 1941 г. В них, помимо интереснейших переводов с украинского, литовского, польского, китайского, еврейского и др., помещено много стихов, добрая половина которых принадлежит авторам молодым или выдвинувшимся недавно.

В общей массе прочитанного материала есть произведения, действительно поэтические. Это — горестные и умные парижские стихи И. Эренбурга в «Звезде» и в «Знамени». Это — юркие, живые стихи о войне Михаила Луконина в «Знамени» (кн. 10-я за 1940 г.) и в «Молодой гвардии» (кн. 2-я за 1941 г.). Это — лирическое «Сверчника» Павла Шубина (в 3-й кн. «Молодой гвардии») и стrophicеское по мастерству стихотворение Глеба Семёнова «Быка» (в 5-й кн. «Знамени»). Это — искусно сделанное в архангельском роде стихотворение В. Калинина «Клевета» (в 4-й кн. «Нового мира» за 1941 г.), макаровский стихотворец М. Львова «Макаровский за границей» (в 4-й кн. «Знамени»), свежие светлые стихи А. Филиппчука (в 10-й кн. «Молодой гвардии» за 1940 г.) и очень немногих других. К «группам» можно было бы причислить и «Крымские стихи» Я. Смелкова в «Красной нови», если бы они все же не являлись явным снижением после его замечательного стихотворения о Маяковском в одном из прошлогодних номеров «Знамени»... Далее — «горы и предгорья» переходящие в равнину: то есть, начинаясь уклоном обмыленный, средний.

Каково же первое впечатление от обычного журнального уровня и соответствует ли оно стереотипной фразе об отставании? На первый взгляд — нет. Помимо, перед нами стихи авторов, еще не вошедших в число «самых передовых», и даже тех авторов, чьи имена весьма мало знакомы читателю, а как правило эти стихи выглядят! Культурный чистый язык, некоторый лиризм, «хорошее тщесе», как говорят музыканты. Чем плохи, например, стихи Татьяны Волгиной «Сынья» в 4-й книге «Красной нови», противостоящие простые и «сагриганившие», как говорится, «проблему семьи»? Или вот, например, «Колечко» Нездобина в той же книге. Увы, о вашей точке зрения, стихотворение это славно, инфантально и примитивно! Но — скажут нам — каждый автор имеет право на свою лирическую машину, а с точки зрения формы здесь «лияется» не наблюдалось... Опять же в ленинградской «Звезде» — складные, легко написанные стихи об Оаратии Ильи Авраменко и вполне грамотными, почти задумчиво звучащими цикла Михаила Дулина. Злее же стихи В. Лифшица и В. Шеффера, спартанские чисто и красочно — с таким, к примеру, метким и верным описаниею стенного орла (у Шеффера): «Но тень его, как бритва по щетине, как камень на зерне степной...». В «Литературном современнике» начинены стихи Федорова, Леонида Хаустова и Ольги Берггольц, достаточно гладкие на вид, чтобы не вызывать обвинений в элементарной литературной безграмотности...

Вот он — средний уровень журнальной поэтической культуры, «средняя температура» поэзии за конец 1940 и за первые месяцы 1941 г.

Если охарактеризовать этот средний уровень с точки зрения читателя, логичного и жалкого в книге — первое замечание будет, безусловно, эпитетическим: подумать только, сколько молодых людей в нашей стране умеют грамотно и даже выразительно писать, владеть языком и хореем! Даже неопытный автор уже прошел и отбросил в прошлом стадию прimitивной рифмовки, примитивного барабанного ритма и аллитеративного образа: понялась известная изощренность и первоначальное, но при этом массовое, умение производить «мольбертную» работу. Это хорошо.

Но стоит хорошо вдуматься в складное, чтобы, честно говоря, впасть в некоторую мрачность. Не являются ли высказанные похвалы достоянием, достойными лишь для ученика-семинаристки, пишущего в школьном журнале? Да ведь они — похожи эти — не более, чем простое «отлично» или даже «хорошо» за письменную словесность! Это явление массовой литературной грамотности было бы поистине радостным, если бы стихи упомянутого качества были достоянием кружковых альманахов, ученических журналов. С чистотой сознания можно было бы восхищаться: какой рост спортивной культуры! И восхищало это остается в полной силе, так как существование огромной массы грамотных стихов — неопровергаемый факт. Мы подходим к той стадии культуры, когда умение писать становится естественным. Виноваты ли авторы, люди способные, если роли ученического журнала соглашаются играть толстый литературный эссеистический?

...горят, как синт, как жженка.
На пир, суровый пир они ссыпают нас!

Образно и красиво, но до-пальца искусственно отвечает Луговской Очевидно, читал он и «Слово о полку Игореве», где в зловещем книжеском сне чирпят синевину, и Александра Блока. Но устаревшие, хотя и некогда прекрасный, образ войны — ратного призыва от современного читателя, либо мы «умеем вовать и любить», но не на пыльный пир, возвещающий о войне.

Иных, совсем иных образов требуют стихи о современной войне, иные чувства вспыхивают на Халкин-Голе и в снегах Финляндии. И даже — внешние пенохожие поля сражения на иконическое зрение ратного мира. Насколько близко в человеческой правде, к жизни сердца хотя бы последние из трех стихотворений А. Контигейна «Смене», пускай сырое, недостаточно энергичное, но подлинное!

Автору «Лето 1940 года» в данном случае говорят «плохо» за то, что он чувствует войну не так, как миллионы лучших людей. Не в литературной грамматике и не в синтаксисе здесь дело и даже не в образности стиха. Дело — в существе чувства.

Но еще определенная и сильнейшая фальшивость голоса нездобинского «Колечка». А ведь написано оно на тему, близкую и дорогую нам — на тему о любви советского народа к великому. Выразить это чувство, найти для него простые и сильные слова — ответственнейшее дело для поэта. В этом чувстве слились глубокие движения народной души, восторги угнетенных прежде народов, желания подвигов, язва спрятанности, уважение гражданских людей к человеку, трудающимся больше и лучше всех.

Плохие перевороты прекрасных и плавленых фольклорных стихов, воспроизведенных по поводу военных очерков, искрение, но упрощенные стихи для детей витовны в том, что тема народной любви стала казаться некоторым поэтам легкой... Стихи-

кауфмана. Похоже на то, что заявить о себе решила новая, молодая поросль поэтов. Цикл этот может иметь, впрочем, и другое значение, выраженное и очень положительное: демонстрация все же той же литературной грамотности в более широких масштабах — литературной грамотности и развитости не-профессионалов.

Хуже то, что, будучи не слабеющими других напечатанных стихов, они не сильнее. Здесь ученическое неумение соединяется с серьезным материалом, нарицанное разрешение тематической задачи вынуждает наглядно. Мы отнюдь не считаем гладкость хорошим качеством, но эта гладкость скрывает порой внутренние эффекты работы, обманывает читателя, в «студенческих же стихах гладкости нет; они обнаженно неуклюжи».

Тем не менее самый этот отказ от гладкости, от обмана на поливоре — импонирует. Есть смесь в этом юношеском желании показать себя без прикрас. Трудно, правда, пристыдиться наизнанку претенциозности таких стихов, как «Маковский на трибунах» Служка и «Самое честное» Кульчицкого — автора способного и успешного на порадовать дружинами своим стихами. Раздражает невнятность «Охоты на мамонтов» Кауфмана. Но все же есть в этих стихах, если не свежесть, то стремление к свежести, желание вырваться на простор подлинно поэтической темы. И права, не автор, смело пробуя свой голос, речи, не авторы, послышавшиеся в «студенческих склонностях» Кульчицкого, могут изразить, что мотив умления не чужд и народной поэзии. Но там — в фольклоре — умление материнское, гордость личным сыном народа, а здесь — в Нездобине — не умление, а умленность. Что общего имеется между «Колечком» с подлинной искренностью и «Колечком» с народной любовью, мужественной, стыльной и сухой?

Но вот уже где, вероятно, дело обойдетесь без поверты и сладости — это поэмы «Суровая зима». Заголовок обязывает.

Автор поэмы Е. Долматовский выбрал его не походя, не зря: немалая часть авторских рассуждений посвящена, если можно так выразиться, «очередному вопросу сурости».

Первые строфы поэмы не обманывают оживленный читатель; они реалистичны и овеены дыханием поэтической правды. В поэме есть отдельные прекрасные строфы, строки, целые стихотворные абзацы. Но ошибки и в самом смысле слова, рожденные ошибкой письма — Долматовского начиняется там, где он переходит к психологии своего героя-лейтенанта Вячеслава. Это — психологическая писчебумажная и писчебумажная остается на протяжении всей поэмы авторская философия. Кардинальный пункт ее философии выражен в следующих строках:

Нам на легкую юность
Найти оправдание надо:
Мы его обретем

При защите сиять Ленинграда...

В едином образе, надуманном и картонном, автор путает три несовместимых сущности: сущность меланхолического блаженства и «красивой» жизни, сущность юношеского «шестидесятника», и сущность перелога «парня с завода «Светланы», рожденного 1917 или 1919 г., кем, по авторской справке, является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интеллигентной семьи? — воспоминку бы старая чиновница былых времен. Вячеслав — сибирь, барыш, по барышу... как гражданской счастье. В тяготах войны он ищет оправдания своему блаженству, и является Вячеслав. Последней «справке» поверить вообще невозможно: из памяти героя начисто вылущены образы заводской жизни, ни единой ассоциации не связан он с производством, с людьми завода, с чувством завода, с профессией. Свою «Светлану», он воспоминает однажды, лишь «если вспомнишь», и «светлый контур». В тесной короткой памяти остались только цветы, проравившиеся на проспекте, успевательные катания, да лично какими семью. Каков злентинный юноша из интелли

В павильоне «Северный Кавказ и Крым» выставлен бюст Сулеймана Стальского работы скульптора Хас-Булаты Акселя-Сарыгда.

Фото Ю. Говорова.

по советской стране

(Из писем читателей

и от наших корреспондентов)

ИВАНОВО. Отделение Союза советских писателей объявило областной литературный конкурс.

За лучший роман, повесть в поэму уставшие: первая премия — в 5.000 руб., две вторых — по 3.500 руб. За рассказ и стихотворение первая премия — 1.500 руб., две вторых — по 1.000 руб. три третих — по 500 руб.

Конкурс проводится с 1 июня 1941 г. по 1 июня 1942 г. Темы конкурсантов произведений должны быть: стахановский труд, геройство Красной Армии, советская семья и революционное прошлое Ивановской области.

ТАГАНРОГ. Литературный музей имени А. П. Чехова подготавливает постоянную выставку, посвященную жизни и творчеству В. Б. Маяковского.

ПЕЧОРЫ. Писатели-земляки К. Федин, Ф. Гладков, В. Стасюк, П. Замойский принимают активное участие в своих статьях, очерках в местной прессе.

Сейчас в Печоре с помощью писателей-земляков готовят издание литературного альманаха. В предполагаемом альманахе вошли Ф. Гладков, К. Федин, редактор местной газеты Н. Страхов, другие творческие.

Кружок любителей книги

В Москве, при клубе писателей, образован кружок любителей книги.

Первоначальные планы докладов о новых значительных книгах, интересных по содержанию и внешнему оформлению, сообщения о старых редких изданнях, устройство и обсуждение выставок произведений книжной графики, демонстрация интересных книг из частных собраний, обмен редкими книгами и автографами — также в общих чертах программа деятельности кружка любителей книги.

На первом собрании этого кружка поставлены организационные вопросы были проанализированы четыре книги, которые В. Лилия сопроводила комментариями. Это были: «Бюрошка щуплого содержания в простонародном духе» под названием «Турсы на колесах», изданная в Москве в 1946 году, в которой московский обер-президент и городской голова усмотрели намек на них и потребовали ее изъятия и сожжения; прекрасно оформленная «Гвардия» В. П. Мещерского (СПБ, 1863), выпущенная в 33 экземплярах по случаю организации «стариковых» катаний на коньках и с гор; «Юмористический словарь для советских людей» (Москва, 1902), задержанный Главным управлением по делам печати, потребовавшим изъятия из него ряда слов; и представлявшая особенный интерес книга В. Гильяровского «Трущобные люди», изданная в Москве в 1887 г. Книга эта по цензурным соображениям была сожжена, и из нее тяжко, по словам автора, читало все-таки два экземпляра — один в необронированном виде, оставшийся у него, и второй — посланный в цензурный комитет. Именно этот экземпляр и был продемонстрирован на собрании кружка. По цензурным пометкам в тексте можно понять причины изъятия этого произведения.

Для одного из ближайших собраний кружка любителей книги намечено доклад Н. П. Киселева на тему «Издания типографии Симеона Полоцкого в Москве».

По страницам газет

«Организация, которая перестала существовать»

Под таким названием газета «Челябинский рабочий» поместила статью о Т. Иванова о деятельности областной организации ССП. Газета приводит такие факты: молодые писатели области — Ст. Басков, Б. Ицын, И. Костин, произведения которых в свое время получили похвальное оценку центральной писательской конференции, а за последний год ничего интересного и заслуживающего внимания не дали. Ряд произведений челябинских литераторов очень низок по своему художественному уровню, а некоторым предложено по личному содержанию (отдельные статьи Т. Тюрикова, произведение Н. Боярова «Выгорев»).

«Молодые писатели совершили лицензионное конкретное руководство. Номинально в Челябинске существует областная писательская организация с выдающимися литературными организациями и выдающимися писателями».

Для одного из ближайших собраний кружка любителей книги намечено доклад Н. П. Киселева на тему «Издания типографии Симеона Полоцкого в Москве».

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ» И УЧЕНЫХ

О чем говорят камни

Академик А. Е. Ферсман, автор книги «Воспоминания о камне», работает сейчас над новым трудом «Камень в истории культуры». Это будет сборник художественных очерков-новелл, задача которого — показать разнообразные чудесные качества камней, запасы которых хранятся в недрах земного шара. Размер книги — около 25 печатных листов.

— Я избрал эпиграфом из своей книги, — заявил в беседе с нами сотрудником академии А. Е. Ферсман, — древнее латинское изречение: «И камни говорят»! Но они действительно говорят...

Лет 30 назад автор книги попал в далёкий средиземноморский остров Эльбу. Здесь перед ним впервые раскрылись красоты розового туризма. С тех пор он стал страстью и методически изучать природу всех так называемых драгоценных камней. Через его руки прошли за три десятилетия десятки тысяч кристаллов алмазов, привезенных из Бразилии, Южной Африки, восточных берегов Атлантики, самцов Урала, Алтая, Индии, Индо-Китая и других стран. Их были изучены тысячи кристаллографические склады драгоценных камней в прибрежной городке Идере, изделия фабрики драгоценностей в Руанде, производство Петергофской гранильной фабрики и шифровальной фабрики в старом Екатеринбурге. В селе Березовском он целые ночи коротал со стариками-граверами, наблюдал, как они из галек горного хрусталя вытачивали бусинки топаза для ожерелий.

Повесть о Средней Азии М. Т. Слепнева предполагает окончить в августе.

от верблюда к самолету

Герой Советского Союза М. Т. Слепнев опубликовал в прошлом году свою первую книгу «Трагедия в пропиле Лонгина», по которой написал сценарий кинематографического фильма для детей.

Сейчас М. Т. Слепнев работает над этой повестью — о Средней Азии. Она построена, как и «Трагедия в пропиле Лонгина», на фактическом материале; автор описывает реальных людей и события, участники которых были он сам.

В 1926 г. впервые была проложена воздушная дорога из СССР в Афганистан. Первый перелет из Терmez в Кабул, по ложивший начало авиапассажирскому сообщению между Советским Союзом и Афганистаном, был совершен М. Т. Слепневым, А. С. Демченко и В. Г. Левином.

М. Т. Слепнев попал в Средней Азии лет, налетав несколько сот тысяч

километров, четыреста раз приступил в Бухару. Он рассказывает в своей повести о физиологии слуха в глазе: «Можно ли слышать неслышимые звуки?»

Завершается разговором с оркестрантом, где устами наставника сказывается сила физиологии и музыки.

В книге описывается о кожной чувствительности и обонянии, разбираются понятия о торможении («Случай во времена землетрясения»), затрагивается вопрос о сне и сновидениях в тесной связи с ученiem Павлова о сущности гипноза и мнимой смерти. Впервые в нашей юношеской литературе дается развернутое представление о происхождении и физиологической основе голоса и речи человека («Соловей и оперный артист», «Как мы говорим»). Книга знакомит с работой органов чувств в воинской обстановке, с усовершенствованными приборами для наблюдения («Уши великанов» и «Рисунок из трапеции») и техникой астрономических определений («Что быстрее, чем мысли?»). Завершается она изложением работы Павлова о развитии высших функций человека. В этой главе повторяются эпизоды его работ для воспитания характера подрастающего поколения.

Проф. Ю. П. Фролов, крупный физиолог, ученик И. П. Павлова, задумал написать трилогию, которая в образной форме показывала бы историю открытых им научных работ этого человека и животных и знакомила бы с последними достижениями в учении И. П. Павлова.

Первая книга трилогии проф. Фролова — «Моя встреча с животными» вышла в СССР в 1936 г. и переведена на ряд иностранных языков.

Вторая книга — «Рассказы о нас самих» — вскоре выходит в свет. Она показывает достижения в изучении мозга и органов чувств человека.

Третий рассказ этой книги называется «Глаз и мозг»: в нем описывается открытие зеркала Гельмгольца — офтальмоскопа.

Ученые о физиологии слуха в глазе: «Можно ли слышать неслышимые звуки?»

Завершается разговором с оркестрантом, где устами наставника сказывается сила физиологии и музыки.

В книге описывается о кожной чувствительности и обонянии, разбираются понятия о торможении («Случай во времена землетрясения»), затрагивается вопрос о сне и сновидениях в тесной связи с ученiem Павлова о сущности гипноза и мнимой смерти. Впервые в нашей юношеской литературе дается развернутое представление о происхождении и физиологической основе голоса и речи человека («Соловей и оперный артист», «Как мы говорим»). Книга знакомит с работой органов чувств в воинской обстановке, с усовершенствованными приборами для наблюдения («Уши великанов» и «Рисунок из трапеции») и техникой астрономических определений («Что быстрее, чем мысли?»). Завершается она изложением работы Павлова о развитии высших функций человека. В этой главе повторяются эпизоды его работ для воспитания характера подрастающего поколения.

Проф. Ю. П. Фролов заканчивает и третью книгу трилогии, появившуюся уже отдельными частями в журналах, — она называется «Будни и праздники советской науки». Третья книга служит как введение в ленинградское отделение Союза советских писателей.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.

На докладе А. Дымшица, которым началось обсуждение, был дан обстоятельный разбор почти всех произведений, начатых в альманахе.